

УДК 070(470+571)«18»
ББК 76.02

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (ОПЫТ АНАЛИЗА ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КРИТИКИ)

О.Г. Иванова

В статье анализируется философско-эстетический дискурс литературной критики журнала «Вестник Европы» за период с 1868 по 1880 год. Философско-эстетическая теория, являющаяся результатом художественной практики критиков и публицистов журнала, позволяет приблизиться к формированию облика издания, а также пересмотреть отношение к флагману русского либерализма XIX века – «Вестнику Европы».

Ключевые слова: эстетическая теория, художественность, общественная значимость произведения, критерий эстетического совершенства, внелитературные условия.

Философско-эстетический аспект для любой критики является базовым, опорным. Философско-эстетический уровень продуцирует эстетическую оценку, которая составляет часть оценки художественной. Автор анализирует произведение, основываясь на системе своих эстетических взглядов, учитывая шкалу своих ценностных ориентаций.

«Философско-эстетическая проблематика в литературной критике функционально отчасти совпадает с собственно эстетической: она является способом систематизации знаний о сущности и универсальных законах искусства и служит теоретическим фундаментом искусствоведческой (в широком понимании этого термина) рефлексии» [15, с. 87].

Проанализировав литературно-критические материалы «Вестника Европы» за период с 1868 по 1880 год, мы пришли к выводу, что эстетическая позиция «Вестника Европы» во многом проясняется в его отношении к понятию «художественность». Почему так редко в критике «Вестника Европы» мы встречаем суждения о понятии «художественность»? Это

связано с эстетической позицией критиков журнала. Рассуждая о современном искусстве, а в первую очередь о критике, А. Пыпин, один из ведущих критиков и публицистов журнала, редактор литературного отдела «Вестника Европы», высказывает следующую мысль: «Надо очень осторожно обращаться со словом “художественность”. Истинно художественные произведения так же редки, как и великие писатели, и толковать о художественности по поводу первой встречной повести, значит слишком мало оказывать уважения к искусству» [6, с. 420].

В исследовательской мысли сложилось неверное представление о критическом отделе «Вестника Европы», якобы критики если и оценивали художественные явления, то слишком узко и однобоко, не разделяя художественные произведения по их художественной ценности. Наше исследование, однако, доказывает обратное – критики уделяли достаточное большое внимание художественной стороне произведений, опираясь на собственные представления о художественности. Высказанная А. Пыпиным мысль не означает, что недостаточно «художественное» произведение не достойно внимания критики «Вестника Европы». Критики ценят в нем также общественный смысл, общественное содержание. Кста-

ти, А. Пыпин увлекался идеями Герцена и Чернышевского и был солидарен с ними в понимании роли литературы как отражения общественной жизни. А. Пыпин говорил о том, что в настоящий момент эстетическая критика есть не что иное, как податливость к мнимой художественности, необходимость иного критического направления критик объясняет общественным запросом, который требует больше исследований об обществе, а не о мнимой художественности: «Меньший объем чисто эстетической критики в настоящее время больше соответствует наличному объему художественных произведений и показывает также, что в обществе является больше запроса на иного рода критические изыскания, – именно на более прямые исследования об обществе и, вероятно, меньшая податливость к мнимой художественности» [6, с. 440]. Таким образом, действительность требует прямых исследований об обществе – и в этом должен быть главный ориентир для писателей. Необходимость господства общественной мысли в беллетристическом произведении объясняется требованиями времени: «С тех пор, как общество начало интересоваться всеми жизненными вопросами, и как в обыденную беседу в семейном кругу входят вопросы политические, научные и социальные, все они так тесно сплелись с жизнью, что выделить их из жизни невозможно. Точно так же их нельзя и выделить и из литературы» [11, с. 310].

А. Пыпин говорит о новой критике, ее новой роли и задаче, обусловленной современным развитием, определяя тем самым свою эстетическую позицию: «В области литературы критика теперь больше, чем когда-нибудь, стоит на исторической точке зрения, и несравненно более определенной, чем было во времена Белинского: это приобретение, и притом совершенно положительное, сделанное новой литературой. Если критика меньше, чем прежде, занимается красотами художественных произведений, то мы уже указали тому причину. Этих произведений на деле не так много, и критика, наконец, догадывается, что и самые художественные из них вовсе не “отражают” русскую жизнь так полно, как это воображали в прежнее время и как должно бы настоящее “искусство”» [6, с. 428]. Критик

приходит к мысли о родовом «перерождении» критики: «Когда таким образом художественная сторона вопроса была приведена к ее настоящим пределам, то “изучение жизни”, какое делалось прежде на основании художественных произведений, приняло иной путь: прямое изучение этнографическое, экономическое, юридическое открывают теперь гораздо больше в этой жизни, чем открывает современное искусство» [6, с. 428]. В то же время критик оговаривается, что подобная позиция вовсе не означает неуважение к области искусства, непризнание его идеального и воспитательного значения. «Нам кажется напротив, что новая критика слишком высоко ценит искусство, чтобы причислять к нему всякий только что сносный рассказ, повесть или роман; она думает только вместе с Белинским, что словом “искусство” не должно злоупотреблять, – как это делается достаточно и по сию пору» [там же]. Вновь ссылаясь на Белинского и его авторитет, А. Пыпин доказывает свою критическую позицию, во многом проясняя художественную политику издания. Новая роль и назначение критики – оценивать жизненные явления, а не художественные красоты произведения, которые, кроме всего прочего, еще и так редко встречаются. Кроме того, критика не должна заикливаться на одних только художественных произведениях, беллетристике, критик расширяет само понятие критики, позволяя ей оценивать и саму жизнь. А.Н. Пыпин говорил об однородности «новой критики» с критикой Белинского, о преемственности революционно-демократической критики 60-х годов (Пыпин сочувствовал представителям «отрицательного направления», представителями которого он называл Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина [4, с. 48]) и критики Белинского. Утверждается мысль об общественной направленности лучших образцов литературно-критического наследия. Н.Н. Мостовская в своей монографии также приходит к выводу о сближении Пыпина с революционными демократами в оценке деятельности Белинского как связующего звена между идеями 40-х и 60-х годов. Исследовательница верно заметила, что «с историко-литературной концепцией Пыпина, в основу которой был положен взгляд на литературу как на неотъемлемую часть

общекультурного развития нации, солидаризировались многие публицисты журнала Стасюлевича» [4, с. 50]. В частности, с ним был согласен Е. Утин. Этот вопрос о сравнительной исторической ценности наследия 40-х и 60-х годов решался в журнале в многочисленных историко-литературных трудах Пыпина и критических статьях Е. Утина, К.К. Арсеньева. Важно то, что для своего времени это была наиболее прогрессивная точка зрения и она всесторонне обсуждалась именно в литературной критике журнала.

Критики «Вестника Европы» признавали такой подход к литературному произведению, когда «читатели и критика вслед за движением самой жизни, за явным стремлением самого “творчества”, стали гораздо восприимчивее, понятливей и требовательнее именно к общественной стороне “художественных” произведений, и даже при отсутствии чего-либо особенно замечательного в эстетическом отношении (замечательных вещей этого рода было действительно немного), интересовались и менее важными в эстетическом смысле, но новыми и смелыми в общественном смысле произведениями» [6, с. 419]. Таким образом, критики признавали большую ценность за *общественной стороной произведения*, нежели за эстетической, собственно художественной. Критики призывают «присматриваться ближе к реальному смыслу литературных изображений», а не воображать себя, окруженными эстетическими богатствами [там же, с. 420]. Как только «литература приучилась прямо говорить о деле, а не витать в идеалистических отвлеченностях», она приучила «ценить вернее свое поэтическое имущество» [там же].

А. Пыпин констатирует, что со времен Белинского эстетический вкус значительно изменился, потому что изменились условия существования литературы, как и изменилась роль критики, ее место в журнале: «“художественная” литература пошла вслед за жизнью, и все больше обращалась к предметам чисто общественного свойства. Она не имела в последние десятилетия талантов, равных Пушкину, Лермонтову, Гоголю, но в этом непосредственном изображении общественности, она, без сомнения, идет несравненно дальше... <...> Послегоголевская школа была слабее талан-

тами, но ближе к самой жизни» [6, с. 418–419]. Критик защищает современное искусство и критику, не соглашаясь с мнениями об их упадке и вырождении. Современная эстетическая мысль, которую определили для себя критики и мыслители журнала, значительно отличается от тех идеалов, которые были ранее, так как само общественное развитие идет более быстрыми темпами, и гораздо важнее – связь современных произведений с жизнью, изображение в литературе общественных вопросов, причем непосредственно, определенность взглядов современных писателей. Современный идеал – это не пустое идеализирование, а это то, что «господствует над мыслью и чувством писателя и читателя и в философском трактате, и в политико-экономическом суждении, и в сатирическом очерке, и во “внутреннем обозрении”» [там же, с. 418], то есть критик доказывает, что критика вовсе не находится в состоянии упадка, она просто отвечает новым современным требованиям и условиям, и в соответствии с тенденцией литературы к публицистичности во многом размываются границы между искусством-неискусством, критикой и иными материалами и публикациями в журнале. И это не есть упадок и отсутствие идеалов, это есть новый уровень. Эта концепция А.Н. Пыпина очень важна для понимания не только художественной политики издания, но и его «лица» в целом.

Проанализировав литературно-критические статьи, мы можем говорить также и о том, что является объектом и источниками содержания в искусстве для критиков «Вестника Европы». Художественная правда в произведении – один из важнейших ориентиров для писателя, по мнению критиков «Вестника Европы», а идейно-смысловой анализ произведения – в основе творческого метода критиков журнала. «Мы несравненно более предпочитаем произведение, где есть глубокая мысль, серьезная идея, и для нас присутствие этой мысли делает вещь особенно драгоценною; но мы думаем, что там, где есть жизнь и правда, там есть идея, подчас не очень богатая, да ведь богатых идей вообще мало» [13, с. 376]. Искусство не может быть заключено в рамки каких-то правил, канонов, для него не должно быть никаких границ, художник может изображать «все, что ему угодно,

но лишь бы в его произведении была жизнь, чувствовалась правда, и тогда он может делать все, что ему нравится, произведение его имеет тогда полное право на существование и уважение» [13, с. 376]. Наличие общественной основы в искусстве, по мнению «Вестника Европы», уже обеспечивает литературное произведение идейным содержанием, ведь в этом случае в творении художника есть жизнь и правда, что в свою очередь и является источником содержания в искусстве. А аналитическое мышление становится одной из форм освоения действительности для художника в представлении «Вестника Европы». Роль фантазии, воображения как художественнообразующих элементов также признавалась некоторыми критиками журнала. Это должно быть такое *воспроизведение* (не копирование) реальности, которое тронет чувство и мысль читателя.

Предметом искусства должна быть истина, правда без прикрас, природа человеческих отношений, иначе оно не будет выполнять основную свою функцию – служение обществу. Сама суть искусства – в оценке внутренней стоимости тех или иных явлений реальности, в его воспитательном, просветительском значении. Содержание произведения, в первую очередь, обуславливается известной обстановкой, историческим периодом, современным состоянием, настроением общества, одним словом, национальностью – это основная мысль, точка отправления для критиков «Вестника Европы», в частности, она высказана наиболее ярко в исследовании А. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» [8]. Данная публикация была частью новой монографии Пыпина, отдельно изданной в том же году и с тем же названием. Исследователь Д.А. Балыкин [1] отмечает, что эта книга стала настоящим откровением для современников и выдержала четыре издания. Литература – это одно из средств и выражений умственного и общественного развития народа, говорит А. Пыпин, тем самым подчеркивая интеллектуальную природу искусства. Эстетическая позиция, в соответствии с которой искусство есть результат интеллектуальной, умственной деятельности, и ценность его напрямую зависит от уровня образования писателя, его развития и таланта, отражается и в

других требованиях критиков «Вестника Европы». Д.А. Балыкин справедливо заметил сходство «литературных мнений» Чернышевского и Пыпина, которые «не соглашались с “чисто эстетической” оценкой художественных произведений. Они рассматривали литературу как выражение жизни общества и интересов народа. <...> Пыпин использовал так называемый метод культурно-исторической школы. Рассматривая историю литературы как часть истории общества, Пыпин попытался проследить развитие общественного самосознания в России по “литературным мнениям” 20-х – 50-х годов» [1, с. 50].

Первична для художника действительность, жизнь, природа, что и является стимулом к творческому акту, по мнению Е. Утина, и значимость художественное произведение приобретает не из-за степени талантливости его создателя, а по мере его служения обществу. «Какое бы направление ни господствовало, в основании его все-таки всегда лежит природа, человек, жизнь, понимаемая более узко или более широко; а там, где есть жизнь, там есть и возможность действовать для таланта или для гения» [12, с. 836].

Е. Утин – яркая фигура в журнале, один из передовых критиков. Его эстетическая позиция во многом определяла направленность критической мысли журнала, его художественную политику. Он был защитником эстетики демократической критики, публицистически заостренной критики и горячо отстаивал жизненность демократической литературы. Н.Н. Мостовская в своей работе пришла к очень важному для понимания художественной политики издания выводу, что «провозглашенная Е. Утиным на страницах “Вестника Европы” литературная программа во многом перекликалась с концепцией Салтыкова-Щедрина, изложенной в статье “Напрасные ожидания”» [4, с. 63]. Е. Утин был автором злободневных литературно-публицистических статей о Ф.М. Решетникове, А.Н. Островском, Салтыкове-Щедрине, Гл. Успенском.

Критики не устают в разных формах повторять, что всегда должно стоять *над* всем, от чего должен отталкиваться художник, что неизменно должно сопутствовать его творчеству. Это «высокая идея служения добру и истине», против чего, кстати говоря, по разу-

мнению критиков «Вестника Европы», зачастую грешит Салтыков-Щедрин. В этом миссия художества и писателя. Художник должен создавать «картины и образы, имеющие неумирающее, вечное значение» [14, с. 413].

Искусство «должно служить отражением природы и жизни» [2, с. 99] – от этого в своем анализе отталкивается и итальянский критик Анджело де Губернатис. И, как замечает иностранный критик, существуют некоторые физические условия, необходимые для создания искусства, и все они присутствуют в итальянском типе художника: «Итальянский гений обладает двумя существенными качествами: впечатлительностью и силой; впечатлительностью для воспринимания прекрасного, и силой для его передачи» [там же]. Таким образом, в журнале был озвучен и такой взгляд на условия для истинной поэзии.

Сетуя на однобокость мнений и оценок различных критиков по поводу реалистичности произведений, критик А. Скребицкий в статье «Французское общество в новом романе Гюстава Флобера» пишет: «Объективность художника легко принять за индифферентизм, а реальное отношение к действительности – за цинизм. Художник заслуживает упреков, когда он, дурно или односторонне поняв действительность, клеветает на нее своими образами; но он должен быть свободен от порицаний, когда остается верным жизни» [9, с. 373]. Таким образом, художника нельзя, по мнению «Вестника Европы», осуждать за отсутствие прекрасного идеала, если этого нет в действительности. Содержанием искусства должна быть истина. «Пусть уж они (художники. – *О. И.*) смотрят глазами хоть грубой, но верной действительности, на ее грубость и язвы, на ее редкие и бледные, но тем более дорогие, лучи света... Художник должен быть воплощением того, что носит в себе, молча или бессознательно, все общество, которого он чадо, а не нарядная прелестница...» [3, с. 455].

Простить исключение из литературы общечеловеческой идеи критики «Вестника Европы» не могли. Образованный вкус, по их мнению, требует соблюдения реальности. «Провозглашать совершенное отчуждение искусства от судьбы человечества, значит кастрировать искусство, осуждать его на бес-

плодность» [5, с. 317]. Однако в этой же статье критик Л. Полонский делает весьма существенную оговорку: «Что всегда найдутся истинные таланты, которые, по временам, будут делать фантастические скачки, что в жизни поэта всегда будут минуты, когда его собственная личность, фантазия, причуда покажутся ему превыше, законнее всех целей человечества – это естественно. <...> Требовать неотлучной службы поэта обществу нельзя» [там же].

Что же такое искусство для критиков «Вестника Европы»? В самом общем смысле «Вестник Европы» так определяет понятие произведение искусства: «Всякое литературное произведение есть выражение словом известных идей» [10, с. 452]. Литература, искусство, в представлении критиков журнала, – это «отрасль человеческой деятельности, в которой по преимуществу отражается целое общество» [12, с. 846], и, как всякая отрасль человеческой деятельности, она имеет свои функции. Литературу критики журнала называют барометром общественных изменений [7]. Критический метод критиков «Вестника Европы» предполагает взгляд на роман не как продукт единовременного, внезапного творчества, а как на выражение продолжительного нравственного и умственного переживания.

Правдивое изображение искусством действительности в верных жизни образах, ситуациях предполагает, как отмечают критики журнала, отображение именно чисто национальных, принадлежащих определенной культурно-исторической общности реалий. «Чужие идеалы, не имеющие почвы в народной жизни, но почитающиеся за образцы, шаблоны неизменно снижают, опускают практически до нуля ценность произведения, долженствующего отражать то специфическое, национальное, народное, опирающееся на реальную действительность, определенную культуру» [5, с. 311]. Е. Утин в своих статьях осуждает разъединение литературы с требованиями народных интересов. Художественному произведению, по разумению критиков «Вестников Европы», дозволяется следовать только следующим канонам и правилам: народность, зеркальное отражение внутренней жизни общества, правда жизни, национальность. Если уже говорить о способах отображения жизни, то зеркало

должно быть реалистичным, не искривленным. Карикатура и фарс неприемлемы, даже в обличительных целях. Потому-то «История одного города» Салтыкова-Щедрина оскорбляет критика «Вестника Европы» как некий вздор, пощечина общественному вкусу. Нет ничего хуже карикатурности и неоправданного вымысла: «Художественное представление действительности, даже в этнографическом отношении, ценнее, чем обличительно-беллетристическое, где правда смешана с вымыслом и где для яркости колорита автор принужден прибегать к карикатуре» [6, с. 430].

Литературное развитие видится критикам журнала во многом как постепенный переход от искусственно-подражательного периода к самостоятельности понимания, действительной народности и национальности. «Можно сказать, что с Пушкиным, а особенно с Гоголем эта цель была достигнута. Литература стала действительно народной или национальной, потому что она была уже совершенно своеобразна и самобытна в своих приемах, мысли, тоне и форме» [8, с. 235]. Если говорить о развитии литературы, то эстетические требования «Вестника Европы» начинают удовлетворяться начиная с деятельности Гоголя и Белинского: «Литература в первый раз получает значение настоящей общественной силы, в первый раз она становится действительной литературой, заслуживающей этого имени, высказывающей настоящие жизненные требования. <...> Она – сколько было возможно по ее внешним условиям – затронула настоящие вопросы жизни, высказала давно зревшие мысли лучшей части общества, накопившуюся скорбь о недостатках жизни и стремление к лучшему порядку вещей, к более высокой степени гражданского и человеческого развития» [там же, с. 236].

А Пыпин в своем исследовании «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» во многом проясняет эстетическую позицию журнала, а вместе с тем отношение к целому ряду литературных явлений прошлого и современности. Он выводит своеобразный критерий эстетического совершенства: «В наше время литература редко поднимается до высшего совершенства художественной красоты, где произведение является широкой объективной картиной челове-

ческой природы, или целого общества; картиной, имеющей более прочное значение, чем временный интерес обыкновенных явлений литературы» [8, с. 234]. Объективное изображение человеческой природы, общества, имеющее вечное значение – вот *главный эстетический критерий*. Более того, Пыпин идет далее, выводя *общую формулу существования литературы*, которая заключается в *национальности*: «Национальность, взятая в обширном смысле этого слова, совмещает все внутренние и внешние условия существования литературы. <...> Не трудно видеть, что национальность отражается на произведениях писателя не только в смысле известной приметы, местного колорита, физиономии, но кладет на него и более глубокий отпечаток. Соединяя в себе весь характер общественной жизни, господствующих понятий, уровня образованности, национальность прямо и существенно отражается на самом *содержании* – большей или меньшей степенью самостоятельности и серьезности мысли, не только в художественной, но и в научной деятельности, – как ни странно это сказать» [там же, с. 235–236]. Получается, что именно национальность является для критиков основой основ для вынесения суждений о том или ином произведении или художнике, или ученом... Все условия, обстоятельства существования литературы могут быть сведены к одному понятию – национальности. Содержание произведения обуславливается национальностью, так же как и его цель, значение, смысл.

Развитие литературное идет параллельно с научным, общественным, в критической мысли журнала эти стороны жизни тесно взаимосвязаны: «Поэтическая литература идет параллельно с возрастающими успехами науки» [7, с. 675]. Ее главное отличие от науки – ее национальность, в которой, как мы уже говорили, во многом заключена определяющая сущность литературы: «В противоположность отвлеченной и космополитической науке, политическая литература по преимуществу национальна: по своему содержанию, представляющему изображение национальной жизни; идеалам, исходящим из стремлений национальной общественности; форме выражения и языку она теснейшим образом связана с национальным бытом» [там же]. Сама сущность

художественного творчества и содержание литературного произведения обусловлены национальностью в широком смысле слова.

Таким образом, проанализировав эстетический компонент литературной критики «Вестника Европы», мы можем сделать выводы о художественной политике издания в целом. Важным для нас оказалось то, что главный литературный судья в журнале А. Пыпин говорил об историзме современной критики, открывающей возможности этнографического, юридического, социального исследования для читателей, о ее синкретизме и жанровой размытости. Декларируемые Пыпиным принципы «новой критики», продолжающие, по его оценке, принципы и «заветы» В.Г. Белинского, как мы выяснили, сближают его позицию с позицией революционно-демократической критики 60-х годов, что имело для журнала в целом и его художественной политики немалое значение – в эстетическом воспитании современников, пропаганде демократических взглядов на искусство, защите лучших образцов литературного наследия великих писателей прошлого и современности.

Мы можем сделать и выводы о подходе критиков журнала к художественным произведениям – они были более восприимчивы именно к общественной стороне произведений, решая при этом различные вопросы современности: крестьянский вопрос, вопрос о месте и роли интеллигенции, о правах женщины и т. д.

Философско-эстетический дискурс тесно переплетается в критике с оценочно-прагматическим и публицистическим дискурсом. Такая позиция стала основой для того, чтобы в лице образованной публики журнал обрел прогрессивное лицо, он смог стать рупором русской интеллигенции, платформой для размышлений и решения основных вопросов современности, уважаемым органом либеральной печати, который давал право высказаться мыслителям с различными позициями. Мы выяснили, что философско-эстетическая позиция зарубежных критиков, публиковавших свои критические очерки на страницах журнала, полярно расходилась с позицией ведущих критиков журнала. Журнал стремился быть вне политики, вне узко заданной программы, открываясь для всего нового

и передового. В 70-е годы это было, пожалуй, одно из немногих изданий, на деле доказавших свою внепартийность, беспристрастность и объективность, независимость.

Автор наиболее передовых статей о русской и зарубежной литературе А. Пыпин подчеркивал интеллектуальную природу искусства, в основу его концепции был положен взгляд на литературу как на одно из средств и выражений умственного и общественного развития народа. Эта позиция четко обозначена в нашумевшей в свое время книге А. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов». Литература для Пыпина – лишь материал для изучения общества, поскольку через творчество открываются все самые задушевные мысли общества, по уровню развития идеалов в литературе историк и критик судит об уровне развития общества в целом. Таким образом, А. Пыпин выступил на страницах журнала не только как родоначальник культурно-исторической школы в литературе, но и активно применял на практике свои принципы.

Отдавая приоритет национальности для вынесения суждений о литературе и писателях, *эстетическая позиция критиков становится заложницей внелитературных условий существования.* Смешивая понятия литературного, общественного и научного развития общества, позиция журнала и, в частности, позиция редактора литературного отдела А. Пыпина по многим параметрам сближала эти области человеческой деятельности. И это свидетельствует об особом подходе к оценке как жизненных явлений, так и явлений художественных, научных в журнале, о синкретизме художественной, научной и общественно-политической мысли в журнале и в литературно-критическом дискурсе в частности. Определяя за литературой, критикой, публицистикой и иными разделами журнальных публикаций одну цель и задачу – решение мучительных вопросов дня, отражение действительности и служение общественным задачам времени, – мы можем говорить о монолитности структуры и политики издания, благодаря чему один из самых влиятельных органов русского либерализма стал единым плацдармом для просветительства российс-

кого общества, решения таких важнейших в то время вопросов, как крестьянский, рабочий, женский вопрос, вопрос о русской интеллигенции, наследии 40-х годов, о социализме, о путях развития экономики, о направлениях развития научной мысли и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балыкин, Д. А. Пыпин А.Н. как исследователь течений русской общественной мысли / Д. А. Балыкин. – Брянск : Наука, 1996. – 235 с.
2. Губернатис, А. де. Эскизы итальянского общества / А. Де-Губернатис // Вестник Европы. – 1874. – № 7. – С. 85–112.
3. Ковалевский, П. Первые и последние шаги / П. Ковалевский // Вестник Европы. – 1870. – № 3. – С. 432–487.
4. Мостовская, Н. Н. И.С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX в. / Н. Н. Мостовская. – Л. : Наука, 1983. – 215 с.
5. Полонский, Л. Генрих Гейне и его жизнь / Л. Полонский // Вестник Европы. – 1868. – № 9. – С. 300–385.
6. Пыпин, А. Об упадке современной критики / А. Пыпин // Вестник Европы. – 1876. – № 10. – С. 402–477.
7. Пыпин, А. О сравнительно-историческом изучении русской литературы / А. Пыпин // Вестник Европы. – 1875. – № 10. – С. 623–688.
8. Пыпин, А. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов / А. Пыпин // Вестник Европы. – 1871. – № 5. – С. 145–238.
9. Скребицкий, А. Французское общество в новом романе Гюстава Флобера / А. Скребицкий // Вестник Европы. – 1870. – № 1. – С. 334–405.
10. Спасович, В. Вопрос о так-называемой литературной собственности / В. Спасович // Вестник Европы. – 1874. – № 6. – С. 423–496.
11. Таль, Н. А. Шотландский брак и английская молодежь / Н. Таль // Вестник Европы. – 1871. – № 1. – С. 299–356.
12. Утин, Е. Задача новейшей литературы / Е. Утин // Вестник Европы. – 1869. – № 12. – С. 812–876.
13. Утин, Е. Художественная выставка в 1869 году / Е. Утин // Вестник Европы. – 1869. – № 11. – С. 356–416.
14. Хроника. Новые книги. Библиотека современных писателей. Глеб Успенский. Разоренье // Вестник Европы. – 1872. – № 1. – С. 400–435.
15. Шильникова, О. Г. Специфика функционирования эстетической проблематики в литературно-критическом тексте / О. Г. Шильникова // Вестник ВолГУ. Сер. 8, Литературоведение. Журналистика. – 2005. – Вып. 4. – С. 81–95.

AESTHETIC THEORY IN THE LITERARY CRITICISM OF THE MAGAZINE “BULLETIN OF EUROPE” (THE ANALYZING THE PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC DISCOURSE OF CRITICISM)

O.G. Ivanova

The philosophical and aesthetic discourse of literary criticism of the journal is analyzed in the article for the period from 1868 to 1880 years. The Philosophical and aesthetic theory, as the result of artistic practice of critics and publicists log you closer to forming the aspect of journal and reconsider the attitude to the flagship of Russian liberalism of the nineteenth century.

Key words: *aesthetic theory, artistry, public importance of works, the criterion of aesthetic perfection, nonbook conditions.*